

۳۶۲۹

ارمیناژ دولتی
موزه تاریخ تمدن و صنایع نفیسه

بهرام گور و آزاده

بابی از کتاب شاهنامه

تصنیف

ابو القاسم فردوسی طوسی

لنینگراد

۱ ۹ ۳ ۴

بهرام با کنیزك چنگزن در شكار

بجز گوی و میدان نبودیش کار
گاهی زخم چوگان و گاهی شکار
چنان بد که یکروز بی انجمن
بنخچیرگه رفت با چنگزن
کجا نام آن رومی آزاده بود
که رنگ رخانش چو بیجاده بود
دلارام او بود و همکام او
همیشه بلب داشتی نام او
بروز شکارش هیون خواستی
که پشتش بدیبا بیاراستی

فرو هشتمه زو چار بودی رکیب
 همی تاختی در فراز و نشیب
 رکابش دو زرین دو سیمین بدی
 همان هر یکی گوهر آگین بدی
 همان زیر ترکش کمان مهره داشت
 دلاور زهر دانشی بهره داشت
 بپیشش اندر آمدش آهو دو جفت
 جوانمرد خندان بازاده گفت
 که ای ماه چون من کمانرا بزه
 برآرم بشست اندر آرم کره
 کدام آهو افکنده خواهی بتیر
 که ماده جوانست و همتاش پیر
 چنین گفت آزاده ای شیر مرد
 باهنو نجویند مردان نبرد
 تو آن ماده را نره گردان بتیمی
 شود ماده از تیر تونره پیم

ور آنپس هینونرا برانگیز تیز
چو آهو و جنگ تو گیرد گریز
همان مهره انداز تا گوش خویش
نهد همچنان خوار بر دوش خویش
همانگه ز مهره بخاردش گوش
بی آزار پایش بر آرد بدوش
بپیکان سر و پای و دوشش بدوز
چو خواهی که خوانمت گیتی فروز
چو بشنید بهرام ازو این سخن
بیاد آمدش گفته‌های کهن
کمانرا بزه کرد بهرام گور
برانگیخت زان دشت ارمنده شور
دو پیکان بترکش یکی تیر داشت
بدشت اندر از بهر نخچیر داشت
همانگه که آهو شد اندر گریز
سپه‌بد سروهای آن نرّه تیز

بتیر دو پیکان ز سر بر گرفت
کنیزک بدو مانده اندر شگفت
هم اندر زمان نرّه چون ماه گشت
سرش زان سروی سیه سادّه گشت
همان بر سر و گاه ماده دو تیر
بزد همچنان مرد نخچیرگیر
دو پیکان بجای سر بر سر
بخون اندرون لعل گشته برش
هیونرا سوی جفت دیگر بتاخت
بخم کمان مهره در مهره ساخت
بگوش یکی آهو اندر فگند
پسند آمدش بود جای پسند
بخارید گش آهوی اندر زمان
خدنگی نهاد آن زمان در کمان
سر و گوش و پایش بیکجا بدوخت
بر آن آهو آزاده را دل بسوخت

بدوگفت چونست ای ماه روی
روان کرد آزاده از دیده جوی
ابا شاه گفت این نه مردانگیست
نه مردی ترا خوی دوانگیست
بزد دست بهرام و او را زرین
نکونسار بر زد بروی زمین
هیون از بر ماه چهره براند
برو دست و چنگش بخون در نشاند
چنین گفت کای بیخرد چنگزن
چه بایست چندین بنا بر شکن
اگر کند بوی کشاد برم
ازین زخم ننگی شدی گوهرم
چو از زیر پای هیون در برم
بنخپیر از آنپس کنیرک فبرد

ابضاح تصاویر

پیش از متن فارسی

جام سیمین ساسانیان در دایرهٔ ارنبورگ یافته
شده (مجامیع ارمیتاژ)

پیش از متن روسی

جام سیمین ساسانیان در ولایت مختار کومی
پیرمیاک یافته شده (از مجامیع ارمیتاژ)

بعد از متن فارسی

مینیاتور از نسخهٔ خطی شاهنامه آخر قرن ۱۵
(آکادیمی علوم آتفاق جماهیر سوسیالیستی شوروی)

بعد از متن روسی

مینیاتور از نسخهٔ خطی شاهنامه ابتدای قرن ۱۵
(کتابخانهٔ دولتی عمومی در لنینگراد)

ملکوت شاه شادمانگر
و سلطان حسن محمد پسر

محمد پسر شاه شادمانگر
و سلطان حسن محمد پسر

Ответственный редактор Б. Лезран

**Типография Академия Наук
Ленгорлит 13606**

СКАЗ О БАХРАМЕ И ДЕВУШКЕ-ГУСЛЯРКЕ НА ОХОТЕ

Он только и ведал, что мяч да мейдан;
Иной раз охота, иной раз чоган.

Однажды вдвоем, без окольных бойцов,
С гусяркой-румийкой он ехал на лов.

Ее Азада он по имени звал;
Был цвет ее щек, словно червчатый лал.

Единой с ним воли и сердцу мила,
Всегда на устах у Бахрама жила.

В тот день он верблюда велел оседлать,
Парчевый чепрак ему на спину дать;

И стремя было четыре на нем,
И в гору и под гору шел он бегом;

Два стремя — золото, два — серебро,
Жемчужным узором обвиты хитро.

Бахрам под колчан нацепил самострел.
Во всяких искусствах он долей владел.

Как только газели ускорили бег,
Двужалой стрелой полководец подсек

Близ самого корня рога у самца;
Дивилась румийка ему без конца.

От самки самца распознаешь едва:
Осталась без черных рогов голова.

А также и самке на место рогов
Всадил две стрелы удалец зверолов.

Где должен быть рог, там стрела у нее.
Грудь кровью текущей ала у нее.

За новой четой он пустился в поскок,
И пулю меж тем положил в желобок;

Нацелился в ухо газели, и сам
Свой выстрел удачный одобрил Бахрам.

Газель подарапала ухо ногой;
Царь вынул стрелу, лук напружил тугой

И ухо, и ногу ей сшил, и плечо.
У девушки сердце зажглось горячо.

Он молвил: «Что скажешь, о светоч ночей?»
Из глаз у румийки струился ручей.

Сказала: «Людского здесь нет ничего.
«Не мужа, а беса твое естество».

Ударил Бахрам, и, качнувшись в седле,
Румийка стремглав полетела к земле.

Мелькнули газели, чета за четой;
Со смехом промолвил смельчак молодой:

«О месяц, когда я мой лук снаряжу
«И этим вот перстнем стрелу наложу,
«Которой ты хочешь назначить конец?
«Вот юная самка и старый самец».

Ему Азадэ отвечала: «О лев,
«Никто не гордится, газель одолев.
«Ты самку стрелою в самца оберни,
«Чтоб статью своей поменялись они.

«А после верблюда в догонку пусти,
«Как только газель устремится уйти;
«Стрельни самострелом, да так, чтоб, скача,
«Газель своим ухом коснулась плеча;
«От пули зачесется ухо, и вот
«Она свою ногу к плечу задерет;
«А ты ногу с ухом к плечу приколи;
«Тогда назову тебя светом земли».

Как только услышал слова эти царь,
Пришло ему в память, что сказано встарь;
Потом тетиву натянул он на лук,
И тихая степь огласилась вокруг.

Двужалая в царском колчане стрела
Для зверя степного хранима была.

ПОЯСНЕНИЯ К ПЕРЕВОДУ

Перевод издаваемого отрывка из Шах-намэ сделан М. А. Лозинским согласно редакции персидского текста, которую принял J. Mohl в своем роскошном семитомном издании поэмы Фирдауси (с французским переводом) в Collection orientale, Paris, 1838—1878. Вот почему персидский текст мы даем в редакции Mohl.

Перевод выполнен при содействии Ф. А. Розенберга.

Гусли, *чан*, музыкальный инструмент типа арфы, обращенной узким концом вверх.

Гуслярка, *чанзан*, играющая на инструменте *чан*. Двужалая стрела,—стрела, металлический наконечник которой раздвоен или же имеет форму полумесяца, обращенного рогами вперед. Эти стрелы употреблялись только на охоте. Сохранились на Кавказе в качестве жертвенного приношения божествам охоты и, в частности, Георгию. Известно, что император Коммод в римском цирке срезал такими стрелами головы страусам.

Мейдан, *ристалище*, поле для игры в мяч и для игры в поло, площадь.

Верблюдом Бахрам лунолицую смял,
И руки, и гусли, и грудь искромсал.

Так молвил: «Гуслирка безумная ты!

«Зачем было слушаться хитрой мечты?

«Ведь если б моя не попала стрела,

«То нашему роду была бы хула».

Когда ее на смерть верблюд затоптал,

Он девушек брать на охоту не стал.

Перевод *М. Лозинской*.

Перстень из металла, кости, рога или камня с отходящим острым выступом служил при стрельбе из лука для натягивания тетивы и для защиты пальца от ранения тетивой при спуске.

Румийка, происходящая из Румии, ремесленного пригорода сасанидской столицы Ктесифона на Тигре. Хотя Румия была основана Хосроем Анушрваном лишь в VI в., все же, судя по персидскому имени девушки, здесь имеется в виду Румия, а не страна Ромеев (Византия). Фирдауси мог не считаться с точной датой основания Румии.

Самострел, арбалет, заводной лук, служил для метания особого вида стрел и свинцовых пуль; спущенная тетива выбивала пулю из желобка, определявшего направление выстрела.

Чоган, клюшка, которою гонят мяч всадники в игре в поло.

БАХРАМ ГУР

Едва-ли не самым излюбленным героем «исторической», т. е. посвященной Сасанидам, части Шах-намэ является Бахрам Гур.

Облик этого героя, у которого «не было другого дела кроме мейдана и мяча, иногда ударов чогана, иногда охоты», живет в народной памяти благодаря бессмертному Фирдауси, но в еще большей мере — благодаря той тесной и неразрывной связи, которая в предании, как и в поэме, установилась между историческим лицом, сасанидским царем Варахраном V и издревле знакомым мифическим героем.

Его основные и наиболее характерные черты, вне всякого сомнения, сложились за много веков, если не за тысячелетия, до начала сасанидской династии, задолго до того, как стали складываться те общественные отношения, ярким выражением которых является государственный строй сасанидского Ирана.

прозвище его происходит из среды носителей именно того наречия, которое впоследствии легло в основу ново-персидского литературного языка, а не любого другого иранского наречия, оставшегося бесписьменным, но сохранившего, как курдский, на протяжении полутора тысячелетия большую близость к языку той феодальной среды сасанидского Ирана, в которой жил Бахрам Гур.

Только ли отражением безудержной стремительности Бахрама является это прозвище, напоминающее или о быстром в беге волке, или о безудержно-стремительном онагре — всегда манящей восточного охотника дичи, и случайно ли прозвание обоих героев вводит нас в круг зверей, в одном случае — именем целого дикого животного, в другом — в виде характерной для позднейшего тотемизма *pars pro toto* — лишь головы зверя?

Случайно ли, что этот великий охотник, этот Нимрод иранского и грузинского народного эпоса, обрел прозвище, уводящее нас в область тотемистических представлений?

Случайно ли, что мифические черты светозарного героя, безудержно смелого, безгранично щедрого, беспощадно разящего, безпредельно любящего, но и безмерно жестокого к любимой,

В глубины истории — единственными памятниками которой являются язык, рудиментарно сохранившиеся мифические и космогонические представления и пережиточные формы прежних общественных отношений — уводят нас многие черты Бахрама Гура, то-ли исторического царя, то-ли космогонического образа.

В облике Бахрама Гура имеем то же, что находим, в смежной Ирану этнической среде, в облике армянского легендарного царевича Вахагна и, в другой, тоже близкой Ирану этнической среде, в облике грузинского легендарного царя Вахтанга Горгасала.

Иранские имена Вахагна и Вахтанга равнозначны имени Бахрама, а иранское-же по существу прозвище Вахтанга — Гургсар (по законам грузинской фонетики — Горгасал) 'волкоглавый' так близко к прозвищу Бахрама — Гур.

Слово *гур* по персидски означает 'онагр, дикий осел', *гур* означает 'волк', но наряду с персидским *гур* (у Фирдауси и *гер*) в этом значении мы имеем и другую форму, если не в литературном персидском, то в составе других языков Ирана, например, в курдском *гур* 'волк'. Исходя из давности сложения облика Бахрама Гура, как эпического героя, можно ли быть уверенным, что

Если бы ко времени Фирдауси образ победоносного Воителя — бурного как ветер, стремительного как конь, неутомимого в беге и в страсти как верблюд, свирепого и сокрушающего как вебрь, мощного как бык, крепкого как дикий баран, легкого и быстрого как птица, лучезарного как солнце, немеркнущего как звезда, — не слился уже безраздельно с историческим лицом близкого сравнительно времени (что пять веков по сравнению с долгой жизнью космогонического образа?) — бессмертный поэт должен был бы уделить место этому герою в своей древней истории Ирана, в том разделе великой эпопеи, где нет исторических лиц, где забыты имена и доблесть прославленных воителей исторического Ирана — Кира, Дария, Ксеркса — но где любовно сохранены сказания о подвигах измышленных героев, в которых человек воплотил свои представления о мироздании и о борьбе своих предков с силами природы.

Ко времени жизни Фирдауси не одно и не два столетия уже истекли после того, как Моисей из Ханаана, называя в ряду властителей Армении сына Тиграна, юного Вахагна, с ним связал, как делали в те дни рапсоды, песню о чудном юноше, у которого волосы — огонь, борода — пламя,

слился в звучных стихах Фирдауси, как и в сказках рапсода в горном Курдистане, с обликом одного из «шаханшахов Ирана и не-Ирана», самое имя которого — Варахран — давало повод наделить переплетшийся с мифом облик властителя чертами божественного Веретрагны.

Слишком ярко было представление о Веретрагне и его старшем спутнике Митре, чтобы их облики, во всем их многообразии, не нашли себе отражения на земле, не перевоплотились в земные существа, не слились по какому-либо признаку хотя бы и с историческими лицами, и чтобы они сохранили свое место лишь в ряду божеств старой или новой религии.

: И солнечный Митра, и Веретрагна, и лунный Мэн слились в образе того христианского божества, которое носит имя Георгия Победоносца. Весь земной, плоть от плоти, кровь от крови феодальной знати, Георгий как бы вернулся на небо, став предметом религиозного культа.

Самые яркие, самые жизненные черты космического Веретрагны должны были связаться с чисто земными существами. Грузия и, вероятно, Албания связали их с Вахтангом Горгасалом, в Армении они слились с обликом царевича Вахагна, в Иране их принял на себя Бахрам Гур.

соломокрада' или 'путь соломокрада'. И когда Ананья Ширакский попытался связать память о соломокраде с земным Вахагном, — он не смог оторвать витязя и его верного коня от небосвода: витязь, украв соломю, бежит на небо, а похитил он ее у царевича Баршама, в искаженном имени которого ясно звучит имя 'сына солнца'.

Да и только ли древние и современные нам армяне знали рассказ о рыцаре, искавшем корма для своего коня и оставившем на небосводе свой след?

Ведь и сегодня курды, глядя на Млечный путь вспоминают этого витязя, называя его *кадиз* 'соломокрад'.

За столетия до Фирдауси вошел в летописи Грузии царь Вахтанг Горгасал, легендарные, но чисто земные черты которого, особенно близкие к характеру Бахрама Гура, не смогли заслонить обликом земного рыцаря слившийся с ним космогонический образ.

Все эти земные люди так проникнуты в предании чертами мифа, что даже в том, что могло бы быть воспринято нами, как отражение реальности, — сквозит воздействие образа высшего существа. Все царевичи сасанидского дома, как все дети крупных феодалов, получали заботливое

очи — два солнца, юноше, в муках рождения которого страдали небо и земля и пурпуровое море, юноше, вышедшем в дыму и пламени из взрослого в море тростника. В его имени — Вахаги — так же ясно звучит имя сопутствующего Митре Веретрагны, как в его победоносной яростной борьбе с армянскими вишапами слышится шум битвы индийского Веретрагны с воплощением зла, Вритрой.

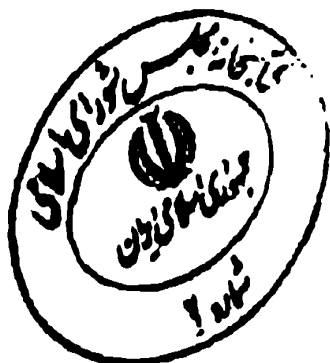
Слишком сильно впитал Хоренский взгляды эллинской учености, чтобы, усмотрев в подвигах Вахагна сходство с подвигами Геракла, не признать Вахагна, почитаемого богом у иверов и принимающего их жертвы, — обожествленным аршакидским царевичем, сыном Тиграна.

И мог ли царевич Вахаги не быть в легенде мужем прекрасной Астхик — 'Звездочки', если небесный Вахаги пылает страстью к прекраснейшей из звезд?

Случилось Вахагну небесному, в представлении чтивших его феодалов уже претворившемуся в скачущего по небу рыцаря, в поисках корма для любимого коня тайно похитить солому. Путь небесного витязя-вора навеки был отмечен пересекающей небосвод светлой полосой, и ее название у армян и по сей день гласит 'след

Так и Фирдауси нашел в лежавших перед ним книгах и в слышанных им сказаниях мобедов готовый облик Бахрама Гура, — и низвел мчащегося по небу божественного Стрелка на землю, обратив его в любящего охоту и скачку юного царевича, Разителя драконов — в единоборца с драконом, со львами и с громадным волком, Гонителя Зла — в поборника справедливости, Оплодотворителя девственных сил природы — в безмерно жаждущего женской ласки юношу, способного увлечь и взять в жены разом четырех сестер, грозного Карателя — в необузданного баловня, в минутном порыве гнева кидающего любимую девушку под копыта верблюда.

Но разве могла прекрасная юная Азадэ не погибнуть по воле своего возлюбленного, своего повелителя? Ведь каждое утро — свидетель того, как самая прекрасная из звезд угасает в лучах поднимающегося ей навстречу властителя дня, Митры, неотделимого в сонме богов от Веретрагны небесного витязя, Митры, давшего имя тому, что связало Бахрама Гура с Азадэ: его именем, *михр*, и сегодня персы называют любовь. Не Веретрагна ли мчал их, царевича и деву, по пустыне, в образе верблюда, воплотившись в которого Веретрагна полон силы и любовного пыла,

воспитание, обучались правилам хорошего обхождения, спорту, военному делу, различным наукам и знали обычно не только свой родной язык. Но лишь один Бахрам Гур, славный знанием многих языков, может играть ими, как в мяч на мейдане: по словам Саалиби, в дни церемоний и собраний Бахрам Гур говорит по-арабски, делая смотр войскам — по-персидски, играя в мяч — по пехлевийски, в бою — по-тюркски, по вопросам права высказывается по-еврейски, о медицине — по-индийски, на корабле — по-набатейски, в обществе женщин — на гератском наречии. Мог ли Бахрам Гур не владеть, в предании, всеми языками? Ведь в каком бы из своих воплощений ни являлся его праобраз, Веретрагна, «ему приносит жертву Заратустра, чтобы стяжать победу в мысли, победу в слове, победу в действии, победу в речи, победу в прении». Анахронистический подбор языков отмечает очаги преимущественного развития науки и техники и отражает главный контингент войск времени Саалиби, но в самом сообщении Саалиби несомненно следует сложившемуся преданию, в котором понятные, хотя и изумительные формы приняла «победа в слове, победа в речи, победа в прении», сопутствующая в Авесте Веретрагне.

славляющих охотничий подвиг и отражающих суровый и скорый суд Бахрама Гура.

И чем разнообразнее передача отдельных деталей этого увлекательного рассказа, тем больше оснований говорить о хождении в народных массах различных изводов предания о Бахраме Гуре и Азадэ, получивших отражение в творчестве не одного только Фирдауси, но и его предшественников, да и других, хотя-бы позднейших, поэтов, будь то Низами на Кавказе или Эмир-и-Хосроу в Индии.

Не небрежностью иллюстратора, не недостатком уважения к творению великого поэта должно объясняться нередкое расхождение миниатюр со стихами Фирдауси. Жившему в народе преданию, быть может, с детства усвоенному, следовал художник, изображая Бахрама Гура и Азадэ не на верблюде с двойным седлом, а на коне, или на двух мчащихся рядом конях.

Не знакомство с обычным оружием дало основание живописцу изобразить не охотничью раздвоенную серповидную стрелу, которой у Фирдауси Бахрам срезает рога газели, а простую боевую стрелу.

Иллюстрации к этому рассказу Шах-намэ, его отражения в прикладном искусстве Ирана

и — 'друг человека' — наделяет и силой и пылом мужское начало? Под копытами верблюда погибла Азада, раздавленная этим носителем любовной страсти и мужской силы неудержимого Веретрагны.

Не потому ли именно этот случай из жизни Бахрама Гура — история его охоты на газелей в обществе возлюбленной, жизнью заплатившей за шутку и не к месту проявленную жалость, — наиболее ярко воспринимался на протяжении двенадцати веков художниками Ирана, задолго до Фирдауси вдохновлявшимися этим сюжетом?

Сейчас не важно, к концу ли сасанидского периода или к началу арабского господства в Иране относятся два серебряных блюда и бронзовый поднос, украшающие сасанидское собрание Эрмитажа. Важно, что они были сделаны до того, как впервые зазвучали стихи Фирдауси, воспевшего меткость стрел Бахрама Гура.

А в последующие века художники, украшавшие миниатюрной живописью творение Фирдауси, расписывавшие тонкой кистью и яркими красками чаши, которыми гордились мастерские Рея, мастера, резавшие формы для выделки неповторимых по краскам и немеркнувшей игре люстра изразцов, создали не один десяток картин, про-

ПРИМЕЧАНИЯ

Албания, страна на Кавказе, занимала большую часть нынешней ССР Азербейджана, включала южный Дагестан и восточные окраины ССР Грузии. Рано потеряла политическую самостоятельность.

Анания Ширакский, армянский математик, писатель VII в. О нем см. Орбели, «Вопросы и решения вардапета Ананьи Ширакца», Петербург, 1918.

Варахран — пехлевийская (парфянская) форма индийского и древнеиранского имени Веретрагна; армянская форма — Вахагн, средне-персидская — Вахрам, ново-персидская — Бахрам, грузинская и албанская — Вахтанг. Форма Вахрам усвоена армянами, она же в грузинском звучала Гварам и Гурам, форма Бахрам усвоена грузинским; форма Вахтанг была обычна в среде армянских феодалов Албании. Все эти имена, во всяком случае в обиходе кавказских народов, были употребительны только в среде феодалов, как княжеские имена, и принимались иногда наряду с другим, христианским именем.

Варахран V, Бахрам Гур, сын Иездегерда I, сасанидский царь (620—638).

Вахтанг Горгасал, полупоупендарный грузинский царь, которому Грузинские летописи отводят место в V в.

и известные лишь со слов более древних, чем Фирдауси, писателей произведения живописи показывают, как глубоко заблуждаются те, кто в любой рапсодии, поющей на мотивы Шах-намэ, видит отражение, влияние великой эпопеи, а не сохранившийся до наших дней в устной передаче источник вдохновения поэта, те, кто не сознают, что Фирдауси был выразителем излюбленных образов своей среды, а не творцом народного эпоса бесчисленных племен древнего Ирана.

14 мая 1934.

Иосиф Орбели.

особенности культа Митры отразились в христианстве и были усвоены христианской литургией.

Моисей Хоренский, армянский историк VII—VIII вв. Сохранил, иногда в дословной передаче, обрывки древнейшего армянского эпоса. Русский перевод дал Н. О. Эмин, Москва, 1893.

Нязамн, один из величайших поэтов, писавших на персидском языке. Жил и умер в Гандже, в нынешней ССР Азербейджана (1141—1204). Об охоте Бахрама Гура в его поэме «Семь красавиц» см. М. М. Гирс, «Бахрам Гур и невольница», Известия ГАИМК, V.

Саалиби, арабский писатель XI в. В его «Истории персидских царей» многие места представляют вариант повествования Фирдауси, в частности и рассказ об охоте Бахрама Гура в обществе возлюбленной, о чем см. М. М. Гирс, «Сасанидское блюдо Казанского Музея», Восточный сборник, I.

Сасаниды, царская династия, правившая Ираном в 225—651 гг. Сасанидская империя представляла собою феодальное государство, включавшее помимо Ирана значительную часть Передней и Средней Азии.

Тигран I, царь Великой Армении, из династии Аршакидов (II в. до х. э.).

Шаханшах Ирана и не-Ирана, титул сасанидских царей; *шаханшах* — 'царь царей.'

Эмир-и-Хосроу — самый выдающийся из писавших по персидски поэтов Индии (1253—1325). О Бахраме Гуре в его поэме «Восемь райских садов» см. Гирс. «Бахрам Гур и невольница».

С его именем предание связывало устройство государства, создание сел и городов, построение крепостей. В основном царь Вахтанг связан с восточной Грузией и с грузинско-албанскими областями. Характерным мифическим чертам Вахтанга Горгасала было дано широкое углубленное истолкование Н. Я. Марром (эта работа пока не издана). В позднейшем искажении прозвище Вахтанга Горгасала приняло, в процессе «народного осмысления», форму Горгаслан, будучи принято за соединение персидского *гур* 'волк' и турецкого *аслан* 'лев'.

Веретрагна, индо-иранское божество, иранские представления о котором наиболее полно сказались в основной священной книге древнего Ирана, Авесте, в разделе Бахрам-Яшт.

Вишапы — водные божества древнейшего населения Армении. Их изваяния, в виде колоссальных каменных рыб, сохранились на горах у Севанского озера и в других местах Армении и Кавказа. *Вишан* по армянски означает также 'дракон'. У Моисея Хоренского вишапы, в то же время, и феодальный род. — См. Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов, «Вишапы», 1931.

Вритра — воплощение зла, змей, вызванный к жизни индийским богом Индрой и против него обративший свою злобу.

Митра, индо-иранское божество солнца. Осложненный различными представлениями культ Митры из Переднеазиатских стран проник, благодаря его распространенности среди римских солдат и в результате переброски легионов, во все места расположения римских войск, до крайнего Запада Европы. Многие

ПОЯСНЕНИЯ К ТАБЛИЦАМ

Перед русским текстом:

Сасанидское серебряное блюдо. Найдено в Коми-Пермяцкой Автономной Области, поступило в Эрмитаж из Свердловского музея в 1930 г. Диамет. 22 см. Чеканная техника. См. Ф. А. Розенберг, «Неизданное сасанидское блюдо с пехлевийским граффито», Записки Коллегии Востоковедов, V.

Перед персидским текстом:

Сасанидское серебряное глубокое блюдо. Найдено в Оренбургской губернии, поступило в Эрмитаж из Казанского музея в 1933 г. Диамет. 28 см. Техника резьбы. Повреждено, форма искажена. См. М. М. Гирс, «Сасанидское блюдо Казанского музея», Восточный сборник, I.

В конце русского текста:

Персидская миниатюра из рукописи «Шах-намэ», XV века. Публичная Библиотека имени Салтыкова-Щедрина, кат. Дорна, 332.

В конце персидского текста:

Персидская миниатюра из рукописи «Шах-намэ», конца XV века. Институт Востоковедения Академии Наук СССР, 822.
